

III
ОНОРЭ
Де-БАЛЬЗАК

ШУАНЫ

1941
ОГИЗ
Гослитиздат
1944

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

Л 60 $\frac{\Gamma-3}{21}$

Л 60 $\frac{\Gamma-3}{21}$

ШУАНЫ
ИЛИ
БРЕТАНЬ в 1799 году

ПЕРЕВОД Н. НЕМЧИНОВОЙ

Предисловие
Н. АНИСИМОВА

Исторический очерк
и примечания
Ф. ХЕЙФЕЦ

О Т В
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Шуаны» — первое из произведений Бальзака, которое он подписал своим именем¹. Это был первый роман «Человеческой комедии». Судьба его не совсем обыкновенна. Его не сразу оценили и даже недооценивают до сих пор.

Сначала критики, а потом исследователи Бальзака без конца говорили, когда речь шла о «Шуанах», о «несамостоятельности» этого произведения. Тень Вальтер-Скотта сразу легла на него, несколько позже прибавилась ещё одна тень — Фенимора Купера. Так установилась традиция рассматривать молодой, но вместе с тем вполне зрелый роман Бальзака обязательно сквозь призму влияний.

Они несомненны, но разве можно назвать хоть одно историческое полотно тех времён, которое не впитало бы в себя манеру Вальтер-Скотта? Ведь он был в 20-х годах «богом» французских литераторов. Удивительно было бы, если бы молодой писатель, столь жадно усваивавший всё что могло ему дать его время, прошёл бы мимо школы Вальтер-Скотта. Бальзак серьёзнейшим образом отнёсся к ней и много из неё вынес, о чём всегда вспоминал с признательностью. Но значит ли это, что в «Шуанах» он был лишь подражателем, что тень Вальтер-Скотта закрывала в нём своё, неповторимое, бальзаковское?

Вот печально-известный отзыв Сен-Бёва, относящийся к 1834 году: «На первый взгляд, в «Шуанах» наличие искусной интриги, правдивость характеров, удачный диалог; и несчастью, имитация Вальтер-Скотта очевидна». Позже, вместе с тем, как стремительно росла слава литературного создателя «Человеческой комедии», серьёзные люди уже не говорили о «Шуанах» так несправедливо, но упрёк в подражание Вальтер-Скотту возникал всё снова и снова. Он отражался в обсуждении некоторых существенных сторон романа, — например, вопроса о том, насколько он «историчен».

Об этом было много разговоров. Об этом было высказано много взаимно исключающих мнений. Такой глубокий знаток истории фран-

¹ «Шуаны» вышла в свет в 1829 году; до того Бальзак писал романы под псевдонимами.

цузского романа, как Андре де Бретон, видел в «Шуанах» «хорошую мелодраму, не больше». Как историческое повествование они кажутся недостаточно убедительными хотя бы потому, что исторические персонажи — Фуше, Бонапарт — здесь только названия, но на сцене не появляются». Нет необходимости доказывать, что этот приговор построен на недоразумении. Разве в том дело, чтобы крупные исторические деятели обязательно «появлялись на сцене»?

Другой серьёзный исследователь французского романа, Луи Мегрон, напротив, чрезвычайно высоко ставит «Шуанов» именно как исторический роман. Его смущало только одно: «роману не хватает дистанции», — не прошло и тридцати лет с тех пор, как совершились события, описанные в романе. Не слишком ли «свежа» была тема, которую Бальзак взял для исторического изображения?

Противоположность двух точек зрения на «Шуанов» получила любопытное выражение в двух заявлениях исследователей:

Бретон. «Содрогаешься при мысли, что вместо «Человеческой комедии» Бальзак собирался в 1829 году написать серию романов, которые представили бы историю французских нравов — от средних веков до нашего времени».

Мегрон. «К несчастью для исторического романа, автор «Шуанов» не захотел соперничать со славою своего знаменитого учителя» (Вальтер-Скотта).

Здесь интересно не только сопоставление таких непримиримых друг с другом оценок, но и то, что даже для Мегрона, который с восторгом писал о «Шуанах», этот роман всё же не выступал из тени Вальтер-Скотта.

Много разговоров было также и о том, какую роль играет в «Шуанах» среда, изображение быта и нравов. Существует мнение, что Бальзак здесь «перестарался», что эта сторона слишком разрослась и заслонила всё остальное. Никто, правда, не решался отрицать огромной, внушительной силы этих картин, но раз уж в романе видели прежде всего произведение «самостоятельное», то и здесь искали почву для упреков.

Как часто за деревьями не видят леса, так и в «Шуанах» многие не различали в тени Вальтер-Скотта подлинных очертаний этого произведения, являющегося первым полноценным созданием Бальзака. Вот почему об этом романе в колоссальной литературе, посвящённой Бальзаку, написано так мало существенного и действительно раскрывающего сложный и богатый мир этой вещи.

Мнение самого Бальзака? В 1843 году он пережёв «Шуанов», и вот что он написал по этому поводу изданию Гавской: «Положительно, это величайшая повесть... В ней — весь Вальтер-Скотт и весь Купер по страсти в ней столько, сколько нет ни у одного из них... Страши и война описаны здесь с совершенством и удачей, которые могли изумить». А ведь мы знаем, как строг был Бальзак к себе.

Напомним, что в генеральном плане «Человеческой комедии» раздел остался почти несуществующим: кроме «Шуанов», появились «Вандайцы», «Солдаты республики», «Партизаны» — всего двадцать два названия. И в грандиозном замысле Бальзака, и в том, что удалось осуществить ему, «Шуаны» занимают важное место.

В год создания «Шуанов» Бальзак всё ещё искал себя. Ему уже было двадцать девять лет, но он ещё не знал, как приложить свой бурлящий талант, его колоссальная внутренняя сила не находила себе выхода. Сюжет из недавнего восстания шуанов увлёк его, надо было облечь эту тему в плоть и кровь. Вспомнив, что в Фужере живёт старый друг отца, генерал Поммерель, он письмом просит у него гостеприимства, так как поездка в Фужер должна помочь ему написать задуманный роман: «Надеюсь, что при недостатке таланта, наличие которого у меня ещё проблематично, национальные нравы, может быть, принесут мне удачу». Согласие получено, и Бальзак — в Фужере, за работой. Он исколесил вдоль и поперёк старинный город и окрестности, он пристально изучал «среду» будущего романа, он «проведил время на крестьянских дворах, разговаривал с крестьянками, распивал вино с крестьянами». Сидя за письменным столом в доме Поммерелей, он видел перед собой холмы Пелерини и майенскую дорогу, где развёртывались самые захватывающие сцены его романа, который теперь подвигался очень быстро. Пять месяцев спустя «Шуаны» вышли в свет.

Вспоминая про это посещение Бальзака, мадам Поммерель даёт очень интересный портрет его в пору создания «Шуанов».

«Он был небольшого роста, нескладный, а плохо сшитое платье усиливало его неуважность; руки у него были чудесные. На нём была армянская шляпа, но как только он снял её, все ступивалось, — и ничего не замечала, кроме его лица. Какой у него лоб, какие глаза! — вы и представить себе не можете, ведь вы его не видели: высокий лоб, на который как будто падает свет от ламп, а карие глаза отбрасывают медотом и выражают всё с такою же ясностью, как слова. Нос у него крупный и толстый рот огромный, и всегда он смеётся, хотя у него нахальные зубы. Он носил густые усы и очень длинные волосы, откинутые назад. В ту пору, когда он приезжал к нам, он был скорее худой и походил на василоподвижника. И как он был прекрасен, бедняк! Во время его обаяния, в жестях, в манере говорить и держаться было столько доверчивости, столько доброты, простодушия, открытости, что, увидев этого человека, невозможно было не подлюбить его».

Портрет очень хорош, но особенно ценно то свидетельство мадам Поммерель, где подчёркнута одержимость творчеством, столь свойственная Бальзаку. Над «Шуанами» он работал восторженно, как потом будет работать всегда. Это была его первая большая постройка.

В «Шуанах» мы найдём истоки того, что потом широко разовьётся в романах «Человеческой комедии». Бальзаковское здесь уже заложено и щедро намечено. Это первая ступень грандиозного восхождения.

Попробуем определить некоторые особенности этого романа, показывающие, в чём его сила.

Это прежде всего полная и глубокая правда событий. Бальзак берёт сложные события в очень острый момент их развития и стремится всесторонне осветить их. Его метод не допускает упрощения. Образы враждующих лагеря показаны в «Шуанах» с одинаковой убедительностью, автор не оставляет в тени ни слабых, ни сильных сторон каждого из них. Это не значит, что Бальзак не видит, куда идут события, что он равнодушен к исходу поединка между шуанами и республиканцами, — нет, он хочет сделать наглядной неизбежность гибели шуанов и победы республиканцев, историческую обусловленность такого исхода.

Вот его характеристика Бретани: «Она окружена светом цивилизации, но благодетельные лучи просвещения не достигают её, и край этот подобен промёрзшему куску угля, остающемуся чёрным, тёмным посреди сверкающего очага». Отсталость Бретани, дикое правы её обитателей интересны Бальзаку не как экзотика, напоминающая горды Вальтер-Скотта или индейцев Купера, а как одно из решающих обстоятельств шуанского восстания. Он показывает, что шуаны беззаветно мужественны, но их босвая организация не может соперничать с республиканской армией. Их тактика, хотя она и основана на умелом использовании местности, может дать им лишь временный успех, а не победу.

Роялисты, нашедшие в Бретани свой последний приют, цинично используют темноту и отсталость её населения, чтобы превратить крестьян-шуанов в слепое орудие своих интриг. Последнее обстоятельство очень прощательно вскрыто в романе, и роялисты показаны здесь без прикрас. Вспомним хотя бы картину бала в Сен-Джемсе и те разговоры, которые ведут между собой дворяне, слетевшиеся в Бретань, как воронья. Между ними идут нескончаемые драги. Всё это настоящие шкурники. «Жорист» вложила оружие в руки всех атак дворян, — комментирует Бальзак в одной из сцен. А что касается «высоких целей» поднятого в Бретани восстания против республики, то они очень ясно определены в репликах персонажей романа; например, Шевалье де Висар откровенно и, как подтверждает другой руководитель шуанов, «очень» правильно изложил устремления роялистов: «Государство, честь Франции — всё это «свдор», и напрасно о нём «трубят в уши королю». Суть того «правого дела, за которое какой-нибудь честный вандеус или храбрый шуан обнажил палаш», в том, чтобы «завоевать для короля Францию в самой Франции» и получить в награду за эту услугу «непомерные награды»: «Один скромно просил пост губернатора Бретани, другой — поместье и титул барона, третий — чин, четвёртый — командование полком», — все требовали «спенсий, милостей для своего рода».

«возвращения земель и другого имущества, которые так бесстыдно конфисковали у дворянства и церкви, вобщем, спорный, ложный. тщетно пытались придать какое-то величие гнусным действиям интеллигентов», было написано: «Король и привилегии».

Лагерь республики показан с такою же строгой реальностью. Юло и его отряд, рядовые офицеры — это отважные, преданные делу люди, истинные патриоты, «которым их скромная и благородная снисходительность сообщала неведомую до той поры энергию», — это солдаты высокого качества. Но республиканцы воюют лучше шуанов не потому, что они храбрее их, а потому, что за ними логика истории, они должны победить, шуаны должны погибнуть. В защитниках республики «вся нация, свобода». «Опираясь на настоящее и господствуя над ним, они разрушают прошлое, но во благо будущему». И они «не только защищают французскую землю. «У нас двойная миссия, — говорит республиканский офицер Жерар, — мы обязаны сохранить душу страны, благородные принципы свободы, независимость, человеческий разум, пробуждённый нашими национальными собраниями. И я надеюсь, что он будет распространяться всё дальше и дальше». Вместе с тем, наиболее провинциальные из отряда Юло понимают, что рождённая революцией республика вырождается, что в то время как они спорят насмерть с дикой Бретанью, в Париже идёт тёмная политическая игра. «Пока члены Директории дерутся друг с другом, как лошади у пустой кормушки, все их правление трещит по швам, и они оставляют армию без помощи».

Так в изображении обоих лагерей, столкнувшихся в смертельной схватке, Бальзак достигает глубины, которая делает его роман серьёзной исторической картиной. И хотя он не показывает событий первого павла, вошедших в официальную историю (про сражение у Пелерины, занимающее столь видное место в романе, он говорит, что оно «оставалось почти неизвестным среди больших событий, назревавших тогда во Франции»), он уловил очень существенные черты изображаемого времени и очень верно понял ход исторических событий. В «Шуанах» уже виден Бальзак будущего.

Все действующие лица романа, и главные и второстепенные, изображены с большой убедительностью. Суровый Юло и его сподвижники Жерар, Мерль, мужественные, грубоватые простые люди, солдаты, прошедшие школу революции; маркиз Монторан и его окружение, «король шлюнов» Корантен, свирепые и простодушные, как дикари, шуаны, мужицкий аббат Гюдев, мадамзель де Верней, занесённая в этот бурный водоворот как бы с другой планеты, — всё это прострелено собранием фигур описано так, что каждую из них видишь. И дело не в том, что Бальзак крайне тщательно и метко нарисовал портрет каждого из них (даже о самом незаметном, о том, кого называют статистом, мы знаем, как он выгадан, какою у него глаза и какою он носит кичу).

твом), — дело в характере, который всегда дан точно, выукло, убедительно. Люди романа живут и умирают. Через их судьбу читатель видит события. Юло, Кредись-по-Земле, Корантеи или другие замечательны не только как заслуживающие внимания личности, но и тем, какое они оказывают влияние на ход драмы. Романы увлекательны, хотя он очень серьёзен и в какой-то мере научен.

В «Шуанах» огромное место уделено описанию местности, где происходит действие, описанию шуанских нравов. Как мы уже говорили, существует мнение, что Бальзак здесь «перестарался». Но разве он не достиг полной наглядности в изображении соединения между отрядом Юло и шуанами именно потому, что так полно представил читателю природные условия, в которых происходили ожесточённые сражения и схватки, показанные в романе? Разве дикая природа Бретани, описанная так ярко и тщательно, не является неотъемлемой частью романа, — ибо она играет важнейшую роль в событиях? Бальзак стремился достигнуть полной убедительности своего повествования не только глубокой и точной обрисовкой характеров, но и столь же глубоким и точным изображением обстоятельств. Мы знаем, что в дальнейшем это стало особенностью его романов. В «Шуанах» он не раз объясняет читателю, почему он так внимателен к обстоятельствам:

«События, о которых мы расскажем в конце нашего повествования, зависели от особенностей той местности, где они происходили, и необходимо дать подробное её описание, иначе развязка этой драмы будет не совсем понятна».

Это программа, осуществлённая в «Шуанах» с большим блеском.

Что касается нравов и быта бретонских крестьян, то подробнейшая их картина позволяет понять сущность восстания шуанов, сильные и слабые стороны руководимых Моктораном отрядов и неизбежность поражения шуанов в их соединении с республиканской армией. Романисты эксплуатировали отсталость и темноту шуанов, но именно здесь и заключена была причина их разгрома. Картина бретонских нравов, данная в «Шуанах», выросла из внимательного изучения, и насколько оно было глубоким, читатель убеждается на каждом шагу. «Каждая семья живёт в своем дворе, как среди пустыни», — пишет Бальзак о шуанах. Можно ли сказать лучше о мужичьей ограниченности?

Размах романа широк. Бальзак не проходит мимо вопросов, которые встают попутно. Он, например, неоднократно рассуждает о тактике и даёт очень точную и глубокую оценку различию в тактике, применявшейся шуанами и республиканцами; он объясняет это различие исторически и самым тщательным образом исследует выгоды и невыгоды каждой тактики в условиях Бретани. Эти интереснейшие отступления в чисто военную область сохраняют свое значение до сих пор, настолько они содержательны.

Тема шпионажа, играющая большую роль в развитии действия, представлена в «Шуанах» совсем не так, как это делал многократно

ные его современники, писавшие о шпионах авантюрино (во времена Фуше такая литература была в моде). Уже сама фигура Корантена настолько значительна, что далеко выходит за пределы развлекательной беллетристики. Корантен — это ивоние. И Бальзак, не выходя на сцену Фуше, стремится показать, какую роль играл шпионаж в перерождающейся буржуазной республике. Формула, провозглашённая Корантеном: «искусно пользоваться страстями мужчин и женщин как пружинами, приводя их в действие на пользу государства, поставить на своё место все колёсики той огромной машины, которую называют «правительством», включив в её механизм самое неукротимое чувство, и с наслаждением управлять рычагами», — великолепно характеризует его патрона. Эпизод показан в «Шуанах» очень проникательно.

Перейдём теперь к вопросу о мелодраматизме «Шуанов». История несчастной любви мадмуазель де Верней и маркиза де Монторана действительно занимает в романе много места, а к концу заполняет собою всё. Но Бальзаку удаётся теснейшим образом связать эту нить повествования с другой — с изображением поединка между шуанами и республиканцами. И если обречённый на поражение Монторан находит смерть в объятиях возлюбленной, то это, может быть, не такой уж плохой последний штрих, завершающий его образ. Серьёзный политический деятель вел бы себя иначе. Роялист, у которого из-под ног ушла почва, мог впасть в ту любовную вивальцию, которая в конце концов погубила Монторана. Монторан искал опьянения.²

Трогательный образ мадмуазель Верней занимает в романе особое место. Эта женщина попала меж двух огней: «Бурные страсти бросили её в борьбу монархий против духа времени, пылкие чувства толкнули на плачевные поступки, хотя она, если можно так выразиться, не была тут сообщницей». В этих строках дано исчерпывающее определение. В иступающей схватке двух враждующих сил, которая с таким напряжением показана в «Шуанах», мадмуазель Верней не принадлежит ни одной стороне.³ Она попала в водоворот и погибла. Ее «сильные страсти» Бальзак описал с великолепием, предвосхищающим «Блеск и нищету куртизанок». Возможно, он хотел оттенить таким образом суровую жестокость основного фона. По соседству со «страстями» мадмуазель Верней всегда была смерть и опьянение; этот контраст очевиден, и он бесспорно усиливает трагическое звучание романа. Бальзак подчёркивает двойственность мадмуазель Верней, её роль, героическую, но и достойную осуждения, — здесь и лежит причина ее катастрофы. Это образ с большой, сложной и поучительной психологией. Блестяще и живописно беспрерывно дополняющих друг друга портреты мадмуазель Верней, низшей дамы времён Директории с её «греховными» пристрастиями в манере одеваться.

В «Шуанах» Бальзак стал Бальзаком. Этот роман достойно открывает собою «Человеческую комедию». У него есть все качества великого, первого произведения, и вместе с тем он свидетельствует, как

колько уверен в себе был художник, начинавший свой путь. И как в трагической мадмуазель Верней мы угадываем других женщин «Человеческой комедии», а в старом д'Оржомоне уже видим Гобсек, так все в «Шуанах» предсказывает дальнейшее развитие Бальзака. Вот почему этот роман так самостоятелен, несмотря на все влияния, которые он впитал в себя.

«Шуаны» — романтический пролог «Человеческой комедии».

ШУАНЫ

(Исторический очерк)

Роман Бальзака «Шуаны» знакомит с одним из заключительных этапов гражданской войны во Франции в эпоху французской революции конца XVIII века.

Шуаны — это контрреволюционные банды, длительное время действовавшие в западных областях Франции — в Бретани, в Вандее, в Нижней Нормандии. Впервые они возникли в Бретани в 1792 г. Бретань осталась главным районом их действий и в дальнейшие годы. В своем романе Бальзак показал агонию этого контрреволюционного движения и борьбу с ним республики. С правдивостью и точностью, которых мог бы позавидовать учёный-историк, гениальный французский писатель воспроизводит объективную картину этой борьбы, исторический фон, нравы и быт Франции конца XVIII века.

Почему запад Франции сделался ареной упорной и кровавой борьбы между революцией и контрреволюцией? Основную силу контрреволюционного движения здесь составляли крестьяне, однако вдохновителями и организаторами шуанов были аристократы-дворяне и священники. Злейшие враги революции — дворяне стремились восстановить королевскую власть и все права и привилегии аристократов, отнятые у них революцией. Народ называл контрреволюционеров роялистами, от французского *le roi* — король. Роялисты пытались поднять против революции народные массы и на юге, и на востоке, и на севере страны. Но только запад Франции им удалось превратить в свой оплот, и оттуда на протяжении многих лет на революцию обрушивались опасные удары.

Обширный западный край Франции, упиравшийся в Атлантический океан, географическими условиями был изолирован от центральных промышленных и торговых её областей, и в нём создались жёсткие социальные обособления и во многих отношениях крайне отсталая от жизни других районов Франция. Гористая и лесистая местность, перерезанная глубокими долинами и оврагами, солонными озёрами, болотами, вечно трудно проходимыми, мешала созданию крупных городских поселений. Население жило в мелких деревушках, посёлках, местечках. Вся эта окраина была крайне отсталой. Прimitivesкое сельское хозяйство, ры-

бедность, охота, примитивная ремесленная промышленность... были занятии и источники существования обитателей запада Франции. Естественно, что круговорот населения был весьма ограничен, крестьяне жили очень замкнуто, их мысли десятилетиями вращались в узкой сфере раз навсегда преодолевшихся интересов; весьма устойчивы были их рассудки и обычаи старины. Патриархально-феодалские отношения между сеньорами и крестьянами были очень прочны. Революция не могла изменить этих отношений. Наоборот, они в годы революции, как ни странно, может это показаться на первый взгляд, даже упрочились. Никакие материальных благ революция до прихода к власти якобинцев в 1793 г. не смогла дать крестьянину Бретани или Вандеи и никаких благоприятных изменений в его жизнь она не вносила. Впервые крестьянство Западной Франции своеобразно ощутило революцию, когда городская буржуазия стала выкупать национализированные церковные и монастырские земли и недвижимое имущество церкви. Крестьяне сами мечтали о приобретении церковной земли; но государство, нуждаясь в деньгах, продавало это церковное имущество только за наличный расчёт, и покупателем национальных имуществ стала главным образом буржуазия. Крестьяне Западной Франции возненавидели буржуазию, возненавидели герол и его обитателей, ставших для них олицетворением революции. Сеньоры подогревали эту ненависть, распространяя ложь и клевету на революцию. Даже в 1793 г., когда весь Запад был уже в огне гражданской войны, невежественные крестьяне не знали, что революция уничтожила феодальный порядок и создала новый, более выгодный для них экономический и политический условия.

В 1790 г. было введено новое Положение о духовенстве, вследствие чего началась религиозная война, разделившая верующих Франции на два лагеря. Часть духовенства отказалась признать новое устройство церкви, подчинившее её светскому государству и превратившее священников в обычных чиновников. Они не присягнули конституции 1791 г. Неприсягнувшие священники начали борьбу против революции. Многие из них укрывались в Бретани, Нормандии, в Вандее; здесь они были недоступны для властей революционной Франции. Отсюда они проткнули по всему западу Франции вить контрреволюции. Местные крестьяне отказались слушать священников, принявших новое устройство церкви; они уходили в лес и стали считать себя и неприсягнувших священников жертвами гонения за веру.

В 1792 г. против революционной Франции создавалась первая военная коалиция. Вначале коалицию образовали Австрия и Пруссия, в 1793 г. к ним примкнула Англия. В марте 1793 г. коалиция нанесла революционной Франции сильное поражение. Тогда Конвент — правящий орган республики — объявил принудительный набор в армию тридцат тысяч человек. Известие об этом пришло в Вандею в самый разгар весенних полевых работ. Крестьяне сошли с полей, возбуждённые духовенством и дворянами, ударили в набат 10 марта 1793 г. и скопили

ста тысяч человек бросили работу. Началось *временное* восстание, сопровождавшееся кровавыми избиениями республиканцев и присягнувших конституции священников. Республиканцев, ранты и плен, дили кровавые экспедиции, от которых может содрогнуться каждая честная душа. Дело дошло до того, что говорилось открыто, что для заключения мира нужно истребить всех патриотов Франции», — вспоминала впоследствии один из священников-роялистов.

Взяв город Машкуль, вандейцы подвергли страшным пыткам и потом истребили в нём всех республиканцев, не пощадив и детей и семей. Против этих зверских банд Конвент вначале выставил несколько тысяч человек, раздробивших свои силы по всей Нижней Вандее от Нанта до Ла-Рошеля. Восстание в Вандее распространилось на Бретань и Нормандию. Вожаками движения стали дворяне — Шарет, Стоффле, Боншан, д'Эльбе, Ларошжаклен, братья Лескюры. Особенно был велик у крестьянства Вандее авторитет Шарета. Местный уроженец, лютый, ловкий, жестокий, коварный, вероломный, как и всё население этого отсталого края, он отличался исключительной храбростью. Шарет нарочно потакал самым невероятным жестокостям и разжигал самые дикие, самые зверские инстинкты у восставших. План вожаков заключался в том, чтобы двинуться на Париж — мозг и сердце революционной Франции, — истребить в нём всех патриотов-республиканцев, а потом восстановить монархию Бурбонов. Вожаки движения стали называть свои банды «великой королевско-католической армией». Любопытно, что роялисты меньше всего думали о защите интересов католической церкви. К вопросам религии дворяне были совершенно равнодушны. Но религиозные мотивы они выдвинули на первый план, так как ясно понимали, какую пользу им может принести религиозный фанатизм крестьян. Прикинувшие дружными неприсягнувших священников, роялисты вовлекли в борьбу против революции крестьянские массы Западе.

Для общего руководства военными действиями Шарет и другие создали «Верховный совет», но согласия между вожаками никогда не было. Каждый из них думал прежде всего о том, чтобы занять особое место. Централизовать, объединить военные действия руководители движения не могли ещё и потому, что крестьяне Бретани, Вандее, всего края, — трудно было заставить уйти далеко и далеко от своих мест. Совершив свои первые набеги, захватив и разграбив города Туар, Сен-Мюр и Машкуль, истребив там республиканцев, крестьяне вернулись к полевым работам, устроившись о среза новых сборов с целью двинуться в Нанту, самому крупному городу в Вандее и единственному порту на Западе. В течение всего лета 1793 г. контрреволюционные восстания на Западе ширились и собирали все больше и больше сил.

Не сразу и не легко делась республике первая победа. В начале 1793 г. во Франции в власти пришла якобинцы, представлявшие собой

революционной и самой энергичной части французского народа. Положение французской республики было крайне тяжелым. Враги воювали на ней со всех сторон, славив её, словно вешками. Страны коалиции договорились уже о разделе Франции. Роялисты воюли в союзе с врагами родины и начали внутри страны гражданскую войну.

Одним из самых опасных внутренних врагов республики были Вандея и бретонские шуаны. Якобинцы, вынужденные отбиваться от многочисленных врагов, могли вначале послать в Бретань и в Вандею лишь небольшие военные отряды, и только к концу лета 1793 г. революционный Конвент двинул против мятежников значительные войска. Однако, многочисленные, чем армия контрреволюционеров.

Война в Вандее была совсем не похожа на обычную войну, которую республиканцы привыкли вести на других фронтах. Преимущество вандейцев, шуанов, было в партизанском способе ведения войны. «В живописных долинах, — пишет Бальзак, — за цветущими изгородями прятались враги невидимые, но готовые к нападению, каждая пива была тут крепостью, каждое дерево прикрывало западню, каждый дуэлянт ствол старой ворбы таил какую-нибудь военную хитрость. Поле сражения было повсюду».

Полгода уже, как Вандея угрожала республике. Её вожаки связались с Англией. Разбойничий характер набегов шуанов и вандейцев, ихходы против республики, в которых иногда принимало участие до тысячи человек, их жестокость, коварство — всё это заставило Конвент принять более суровые меры.

Против Вандеи были направлены Вестерман, Клебер, Марсо и другие генералы республики, прославившие в 1793 г. свои имена в борьбе против Австрии и Пруссии. 18 октября 1793 г. республиканские войска нанесли вандейцам первое серьёзное поражение. «Вандея больше нет», — сообщили в Конвент генералы республики. Восемьдесят тысяч стариков, женщин, детей, по решению вожаков восстания, покинули свой родной край, свои очаги и направились в Бретань, надеясь оттуда перебраться в Англию. Вместе с ними бежали остатки разбитой армии. Маркиз Лескур, Бошар, д'Эльбе были убиты в бою. Но с Вандеей ещё не было покончено.

Среди перебравшихся в Бретань, на север по правому берегу Луары было тридцать — сорок тысяч способных драться. Вожаки движения Стоффле, Ларошжале, Шарет, снова начали борьбу против республиканцев. Им удалось нанести несколько поражений республиканским войскам. Но их победы носили уже случайный, временный характер. Армия республики оттеснила их на Бретань на левый берег Луары. Здесь вандейская армия погибла, сдвинутая между болотами и Луарой. 23 декабря 1793 г. Клебер и Марсо окончательно разбили вандейцев у городка Сальма. Спасались только немногие из них. Почти все они были убиты; оставшиеся в живых попали в плен. Однако ни подавление вандейского восстания, ни другие победы французского народа в 1793 г. ещё не вывели и клутрившей контрреволюцией не покончили с роялистскими заговорами на

Западе. Движение перебросилось в Бретань и тогда-то оставшиеся в живых Шарет, Стоффле и Ларошжаклея сформировались в предводители шуанских банд.

Разгром иацейцев при Савене завершил определённый период в истории роялистского движения в западных департаментах Франции. В 1794 г. движение шуанов терпит размах, который придавал ему Вандея. Главным центром движения шуанов становятся Кальвадосский и Морбиганский департаменты в Бретани. Здесь собрались остатки разбитых при Савене сил. Но армия шуанов была уже совсем не та, что в Вандее. Её образовали контрабандисты, оставшиеся без дела, после того как революция уничтожила внутренние таможи; дезертиры, разбойники, браконьеры и уголовные преступники. Крестьяне в массе своей оставались пассивными, затаив вражду к республике. Дворяне и священники продолжали разжигать эту вражду, и крестьянам казалось, что лозунг роялистов: «Да здравствует король!» совпадает с их желаниями и интересами. Но в 1794 г. в движении шуанов не было прежней экзальтации, и крестьяне уже не покидали массами своих очагов ради осуществления замыслов роялистов.

Банды шуанов в шестьдесят—семьдесят человек собирались по сигналу, напоминавшему крик совы (chat-huant — сова), для разбоя, для грабежа. Прав Бальзак, утверждая, что роялизм в Бретани принял разбойничий характер. Не имея больше сил для того, чтобы сразиться с революцией в открытом бою, роялисты в Бретани вредили республике диверсиями, нападениями на небольшие военные части республики, а также контрибуциями, которыми они облагали население. Шуаны сделали жизнь в Бретани крайне тревожной, опасной. Руководители движения — Стоффле, Шарет — поддерживали связи с английским и испанским правительствами и добывались от них помощи оружием, деньгами. Они все ещё надеялись на то, что в подходящий момент им удастся опять поднять весь край против республики. Но обстоятельства были против них. Республика одержала ряд блестящих побед на внешних фронтах и разбила своих врагов внутри Франции. Всё это сделало положение шуанов в 1794 г. очень незавидным. Можно было надеяться, что якобинцы сумеют так же быстро и энергично подавить банды шуанов, как в 1793 г. они подавили движение в Вандее. Но 9 термидора II года республики (27 июля 1794 г.) якобинцы были свергнуты. К власти пришли термидорианцы — представители крупной буржуазии. Среди термидорианцев было много монархистов и сторонников соглашения с роялистами. Недаром в романе Бальзака предводитель шуанов Монтерриан называет Барраса — «ваш друг». Баррас, как известно, был лидером термидорианцев. Многие роялисты получили амнистию и начали приехать из эмиграции во Францию. Термидорианцы пошли на дальнейшие уступки, возвращая роялистам их поместья и имущество. Такую уступчивость крупной буржуазии роялисты приняли за доказательство слабости и непрочности нового буржуазного порядка, созданного ре-

лющей, и они снова попытались собрать силы для борьбы с республикой, опираясь на движение шуанов, которое охватило всю Бретань.

В конце 1794 г. термидорианский конвент назначил главным командующим западной армией генерала Лазаря Гоша. Лазарю Гошу, бывшему бедняку, сержанту в 1789 г., буржуазная республика была обещана новыми победами над роялизмом. Молодой, двадцатисемилетний полководец Гош, в отличие от некоторых других генералов, выдвинутых в годы революции, был убеждённым республиканцем, безмерно преданным республике. Большой ум сочетался в нём с гуманностью, глубоким знанием людей, умением распознавать их интересы и заставлять их служить делу революции. Западная армия, которой командовал Гош, была невелика. Гош понимал, что одними репрессиями ему не удастся восстановить мир на Западе и заставить местные населения признать республику. Осторожными, умными мероприятиями он сумел расколоть лагерь роялистов и добился вначале ослабления вражды к республике со стороны духовенства, а впоследствии ему удалось завоевать симпатии и крестьян Бретани, Вандеи, Нормандии. Гош возвращал населению скот взамен сданного оружия, оказывал помощь беднякам — даже тем, кто прежде дрался против революции, принимал в армию тех, кто желал стать солдатом, не преследовал не присягнувших республике священников. «Проповедуйте сами религиозную терпимость, — требовал Гош от своих офицеров. — Священники, если они будут уверены в том, что им не станут мешать отправлению культа, сделаются вашими друзьями, хотя бы ради того, чтобы их оставили в покое. Встречайтесь с ними, убедите их, что продолжение войны вызовет только новые неприятности, — не со стороны республиканцев, уважающих религиозные убеждения, а со стороны шуанов, которые не признают ни бога, ни закона, а хотят только грабить и своевольничать. Между ними есть люди очень бедные, и вообще они очень своекорыстны. Не забывайте предлагать им небольшие пособия, но не явно, не навязчиво, а со всевозможной деликатностью. Через них вы узнаете все происки их партии и добьётесь того, чтобы они удерживали своих поселян в деревнях и не пускали их драться».

Умная политика Гоша создавала для роялистов положение чрезвычайно затруднительное. Массы от них отходили, стали отходить и идейные вдохновители контрреволюции — священники. Руководителем шуанов — Стоффле и Шарет — всё ещё надеялись поднять весь край против республики и при иностранной помощи восстановить монархию. Но время уходило. Помощи не было. Политика Гоша оставляла всё меньше и меньше шансов на успех роялизма на Западе. Разногласия среди роялистов чрезвычайно обострились. Вражда между Стоффле и Шаретом (Лаврошаклен умер вскоре после Савена) — старая вражда двух честолюбцев, не желавших делить между собой власть, приобрела в 1793 г. ожесточённый характер. Среди роялистов, окружавших Шарета, выявились сторонники заключения мира с республикой, призна-

ния её. Но Стоффле оставался на стариз, непримиримый враг. Говорил о разброде в лагере шуанов. Он не верил в искренность тех из них, кто заявлял о готовности признать республику, но считал возможным расколоть ряды роялистов; поэтому он начал переговоры с иными, сторонниками мира, и был всегда честен в своих взаимоотношениях с ними.

Переговоры состоялись в начале 1795 г. Шарет выставил непопулярные требования, свидетельствовавшие о том, какими утопистами были роялисты, как мало понимали они события, происшедшие во Франции с 1789 г. Шарет потребовал ухода республиканских войск с Западного побережья от налогов и от военной повинности на десять лет, вознаграждения за разрушения гнёзд мятежников, амнистии всем волоньерам и всем аристократам-эмигрантам, конфискации имущества тех священников, которые перешли на сторону республики в 1793 г., и возвращения церкви распроданного за годы революции национального имущества. В феврале 1795 г. было подписано перемирие. Республика согласилась создать территориальную милицию в две тысячи человек из местного населения. Командование этой милицией было поручено Шарету. Однако республиканская армия не ушла из Вандей и Бретани. Были выданы субсидии тем, чьи жилища были снесены в 1793 г.; неприсягнувшие священники вернулись в свои церкви, но республика не дала амнистии эмигрантам и не приняла остальных требований Шарета. Стоффле и его группа резко враждебно отвергли это соглашение. Шарета они объявили изменником и приговорили к смерти. Стоффле совершил несколько набегов на республиканские войска, но был разбит. Неудачей закончилась также попытка шуанов помочь высадке нескольких эмигрантов с деньгами и оружием. Республиканцы и тут разбили шуанов. Стоффле вынужден был пойти на перемирие и принять те же условия, что и Шарет.

Так произошло первое примирение шуанов с республикой. Но, как предвидел Гюш, оно не было искренним и длительным. Вскоре шуаны опять нарушили мир. Впоследствии Конвент узнал о том, что в то время, как Шарет вёл переговоры с депутатами Конвента, он писал Людовигу XVIII, что только необходимость заставляла его согласиться на перемирие, и обещал, что «когда игра лучше наладится», он опять возьмётся за оружие ради восстановления монархии. Втайне велел шуанов делать приготовления к новому восстанию, покупая оружие, и послал предводительством, впрочем, пытался деморализовать республиканских солдат, среди которых было много бретонцев. По инициативе епископа роялистов Бретани опять готовились начать войну. Они ждали только удобного случая.

Один из шуанов, Пюиже, вел переговоры у Англии о высадке десанта в Бретани, для того чтобы опять поднять войну на Западе. Пюиже, глава английского правительства, согласился с планом Пюиже. В июне 1795 г. значительный десант высадился на полуострове Котворин.

В экспедиции приняли участие эмигранты и иллевинские французы численностью в одиннадцать — двенадцать тысяч, которых роялисты застали в Кибероне. На берегу в ее участии присоединились местные жители в числе около пяти тысяч человек. Население окрестных деревень отнеслось к десанту очень приветливо, снабжало его провизией; однако восстание не поднялось, как Ванден в 1793 г. После высадки роялистов в Киберону Гош стремительно двинул туда свои силы, окружил Киберонскую бухту со всех сторон, приказал атаковать все передовые позиции шуанов и в нескольких сражениях разбил и уничтожил роялистскую армию. Шуаны и войска десанта, высадившиеся на полуострове, были сброшены в океан. Большинство участников экспедиции погибло. Таким образом был конец этой авантюристической попытки шуанов восстановить монархию в 1795 г. Но и после этого шуаны не прекратили войны. После разгрома Киберонской экспедиции Шарет, и Стоффле окончательно сбросили маски. Борьба роялистов против республики возобновилась со страшным ожесточением.

Отчаявшись в том, что при помощи Англии им удастся восстановить дореволюционный порядок, роялисты решили сами, опираясь на свои связи и силы внутри Франции, разогнать Конвент и восстановить королевскую власть. Роялисты видели, как после 9 термидора крупная буржуазия шаг за шагом лишала народные массы всех их завоеваний в революции и своей антинародной политикой настраивала их против себя. Разгром демократии, преследование революционеров, белый террор, — «отодвигание народа на задворки», как тогда говорили во Франции, изменение политики по отношению к роялистам-эмигрантам — всё это породило в контрреволюционном лагере иллюзию, что Конвент не будет сил для сопротивления. В Париже роялисты были очень сильны. И вот осенью 1795 г. под руководством генерала Питтгрю они снова подняли восстание против республики, но на этот раз в самом Париже. Но и здесь они были разбиты. Победившая в ходе революции буржуазия оказалась достаточно сильной, чтобы подавить и этот новый мятеж роялистов. Роялисты должны были убедиться, что буржуазия не хочет восстановления власти аристократии.

Буржуазная республика победила. В конце 1795 г. во Франции образовалось новое республиканское правительство — Директория. Разъяренные шуаны снова выступили против республики. Шарет опять связался с Питтгом, получил от него помощь и был назначен эмигрантским главным штабом роялистов главнокомандующим в «Католических землях». Но и на этот раз Гош уничтожил отряды Шарета. Сам Шарет, скрываясь от республиканцев, вынужден был прятаться в болотах и лесах. На помощь населения надеяться он уже не мог. Гош очень энергично стал проводить свой план замирения Ванден и Бретани. И он добился своего. В 1797 г. на Западе наступил мир. Стоффле выдал его сообщника. Шарет был пойман в лесу, где прятался, и был вынужден подписать. После казни Стоффле и Шарета ликвидация шуанских

банд в Бретани была произведена сравнительно быстро. Шуаны при-
дись с ожесточением. Гош оттеснил их к океану. Наконец вся Бретань
была покорена. В течение нескольких месяцев Гош успокоил страсти
и добился умиротворения края.

Казалось, всё предвещало забвение прошлого и мир действитель-
искренний. Но в 1799 г. опять стали действовать банды шуанов. Об
этом последнем мятеже роялистов и повествует роман Бальзака.

Какой же момент вновь избрали шуаны для осуществления своих
замыслов?

1799-й год был годом, полным тревог и опасностей для Франции.
Вторая коалиция, образовавшаяся в конце 1798 г. во главе с Англией,
Австрией и Россией, нанесла Франции ряд серьёзных поражений.
Южные границы Франции были открыты для вторжения неприятель-
ских армий.

«Коалиция в конце концов раздавит нас», — к такому горькому
заключению пришёл Юло, начальник полубригады в романе Бальзака,
человек мужественный, выдавший виды. Как и в 1793 г., только моби-
лизация всех народных сил могла спасти Францию. Но Франция
1799 г. была иной, нежели Франция 1793 г. У Директории не было ни
морального авторитета, ни силы, ни энергии якобинской республики.
Антинародная политика Директории оттолкнула от неё массы. Само
правительство было представлено бездарными, алчными, беспринци-
пными честолюбцами, у которых на первом плане стояли личные инте-
ресы. Такие люди не могли завоевать ни уважения, ни доверия. «Увы!
Эти шуты — члены Директории — ухитрились поссориться со всеми,
кто мог бы умело вести ладью!» — с горечью говорит в романе Баль-
зака Юло. «Адвокаты доведут нас до того, что будет хуже, чем до
революции», — соглашался Мерль. — «Доктрины и страна, — все на
краю гибели», — подтверждал с болью мнение товарищей Жерар.

Момент для мятежа был выбран удачно. После смерти Гоша
(1797 г.) неприсягнувшие священники снова стали служить роялизму и
опять разбудили религиозный фанатизм крестьян. На этот раз вожаком
движения сделался крестьянин Жорж Кадудаль — фанатик-контрреволю-
ционер, человек неимоверной физической силы, упрямый сторонник
Бурбонов.

В конце 1799 г. шуаны нанесли несколько поражений респуб-
ликанским войскам, взяли Нант и уже строили планы скорой реставра-
ции Бурбонов. Директория отбыла в конце концов набеги шуанов, но
окончательный их разгром произошёл после падения Директории, при
Наполеоне, в 1800 г.

Рано или поздно, но разгром шуанов был неизбежен. Неизбежен
потому, что шуанерия, как и роялизм в целом, была обречена на со-
бель самым ходом экономического и социального развития Франции.
Роялисты, составлявшие значительную по количеству группу населения,
бородлись против республиканской Франции, против капиталистического

развития страны исключительно ради своих интересов, за счет унижающего феодализма.

Народ, несмотря на его вражду к победившей в результате революции крупной буржуазии, не хотел возврата к феодализму и к абсолютизму, угнетавшему его на протяжении веков. Известного времени роялисты могли использовать в своих интересах невежество и религиозные предрассудки крестьянства Запада, но народ всей Франции их ненавидел. Никаких общих интересов с французским народом у роялистов не было. В то время, когда Франция напрягала все силы, защищая свою свободу и независимость, роялисты изменили родине и помогали неприятельским армиям рвать Францию на части. Патриотов они истребляли без всякой пощады. Если бы победили роялисты, погибла бы Франция. Франция конца XVIII века вышла победительницей в борьбе против своих врагов и разгромила роялизм. Победа над шуанами была победой капитализма над феодализмом, государственного начала над провинциализмом, просвещенного XVIII века над средневековьем.

Недаром мадмуазель де Верней в романе Бальзака, оказавшись лицом к лицу с вожаками шуанов — аристократами, убеждается, что руководители войны во имя бога и короля мало походили на те портреты, которые она любила создавать в воображении. Сравнив главарей мятежников с республиканцами Мерлем и Жераром, она приходит к выводу, что эти два солдата республики олицетворяют всю нацию: «Опираясь на настоящее и господствуя над ним, эти люди разрушают прошлое, но во благо будущему».

Якобинцы и Говш нанесли шуанам такое поражение, от которого они потом уже не оправившись. Наполеон только довершил разгром шуанов. В своей борьбе против шуанов он во многом следовал примеру Говш. Так же, как Говш, Наполеон стремился расколоть лагерь роялистов. Бальзак это великолепно подметил, позвав читателя с текстом призывов Наполеона к армии и к населению. Но есть одна черта в политике Наполеона по отношению к роялистам и, в частности, к шуанам, которая определяла в значительной степени и политическое развитие Франции в первую четверть XIX века, и позиция роялизма в начале XIX века, и судьбу шуанов. Говш старался привлечь к республике сердца крестьян Вандеи и Бретани. Наполеон совершенно игнорировал нужды населения Запада. Он был беспощаден к мятежникам, влеченным в мятеж шуанов, но зато охотно ласков и сговорчив с вожаками. Всем роялистам-эмигрантам он даровал амнистию. Из 145 тысяч эмигрантов только 3373 было отозвано к прагу вернуться на родину. 141 тысяча аристократов возвратилась во Францию. Наполеон возмнил их милостями, привлек к государственной службе, вернул им нераспроданные земли и земли. Многие из них получали доступ к его двору. Они вошли в круг новой аристократии, созданной при Наполеоне, и вскоре многие из них могли окружить себя блестяще роскошью.

Католическая церковь была признана Наполеоном господствующей церковью. Аристократы и духовенство, обласканные Наполеоном, поехали на службу к нему и признали созданную им систему политического деспотизма и личного произвола. Они стали очень сильными оплотами диктатуры. Режим Наполеона imponировал роялистам во многих отношениях: и тем, что Наполеон истреблял якобинцев, то есть приверженцев демократии, и тем, что этот режим прививал покорность и послушание, и тем, что он вытравил последние остатки политической свободы. Вся внутренняя политика Наполеона убеждала их в том, что Наполеон возрождает принципы монархии. И поэтому они льстили ему, славили его. Но в глубине души они ненавидели его, так как понимали, что режим Наполеона окончательно укрепил буржуазный порядок и превратил аристократию в придаток к буржуазии. Втайне аристократы ждали его смерти, чтобы восстановить свою монархию: Чего стоила их показная преданность Наполеону, показали 1814 и 1815 годы: после поражения Наполеона в России в 1812 г. и военного разгрома империи в 1814 г. и в 1815 г. при Ватерлоо, роялисты, пятнадцать лет служившие Наполеону, немедленно его покинули и примкнули к Бурбонам. В 1815 г. роялизм одержал победу над Наполеоном, но не над Францией. Монархия Бурбонов была восстановлена не потому, что Франция позволила ее восстановления, а потому что ее навязали французскому народу вопреки его воле. И опять шуанерия стала бесчинствовать уже не только на Западе, но и на юге Франции. Но повернуть колесо истории назад роялисты не могли, как не смогли они сделать этого и в конце XVIII века. Правда, пятнадцать лет — с 1815 по 1830 г. — монархия Бурбонов, наперекор потребностям и интересам страны, наперекор жизни, предпринимала одну неудачную попытку за другой, чтобы заглушить всякие следы революции. Но роялизм был обречен с 1789 г. самым ходом истории. Июльская революция 1830 г. смела роялизм и монархию Бурбонов окончательно, а вместе с ним и шуанерию.

Профессор Ф. Хейфец

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 11. Теодор Даблеи, — которому посвящены «Шушан» — торговец скобяными товарами, любитель литературы, живописец, лекционер, был другом семьи Бальзака и самого великого писателя в трудные годы его первых шагов в литературе.

Стр. 11. В начале вандемьера. — Революционный календарь Кошвент первой Французской республики установил новое летоисчисление и новый календарь. Началом новой эры считался день и год провозглашения республики — 22 сентября 1792 г. Автор нового календаря — поэт Фабр д'Эглантин — дал двенадцати месяцам года названия, подчеркивающие основные народнохозяйственные работы или особенности погоды, характерные для данного месяца. Первым месяцем был вандемьер (месяц сбора винограда) — с 22 сентября по 21 октября общепринятого календаря; вторым месяцем был брюмер (месяц туманов) и т. д. Революционный календарь был уничтожен Наполеоном, восстановившим обычный календарь.

Стр. 14. Лазарь Гош (1768—1797) — сын бедняка, ковки в 1789 г. — сержант. Один из главных участников взятия Бастилии. После революции в 1793 г. — генерал; прославил свое имя в войне против Австрии. Огромная популярность Гоша вызвала против него подозрения Комитета общественного спасения. В июле 1794 г. был арестован, вышел из тюрьмы после падения Робеспьера. В конце 1794 г. — главным командующий республиканской армией, посланной в западные материковые области, Нормандию и Бретань; умиротворил их, проявив себя не только талантливым полководцем, но и политиком. В 1797 г. командовал армией на Мавасском и Самбрском фронте. Проявила величайшую заботу о нуждах армии и солдат. Наполеон, хорошо зная военные дарования и популярность Гоша, впоследствии говорил, что неизбежно, удалось бы ему переворот, если бы Гош был жив. Гош был убежденным республиканцем, революционером-демократом, патриотом, беззаветно преданным родине и человеком чуждым карьеризма. Он умер внезапно, в возрасте двадцати девяти лет. Подозревали, что Гош был отравлен.

Стр. 14. Мессидор — по революционному календарю десятый месяц (с 19 июня по 18 июля) — месяц жатвы.

Стр. 14. Исполнительная директория Французской республики (пять директоров). — Исполнительная власть, правительство республики с конца 1793 г. по конец 1799 г. — то есть до государственного переворота, произведенного Наполеоном 18 брюмера. Этот период республики по имени ее правительства носит название Директории.

Стр. 14. Потребовала у двух национальных собраний. — Национальные собрания Французской республики (собрания Директории) состояли из двух палат: Совета пятисот и Совета старей-

нии. В ту и другую палату выбирали на основе очень ограниченного избирательного права.

Стр. 15. Третий дополнительный день VII года. — 1799 год являлся седьмым со дня установления республики. В нем три декады; двенадцать календарных месяцев, таких образом, октябрь-месяц, назывались дополнительными днями такого-то года.

Стр. 21. Госпожа де Сталь (1766—1817) — известная французская писательница (автор романов «Дельфина», «Коринна», книга о либерализма; в период империи выступала против политической тирании Наполеона, за что подверглась преследованию и изгнанию из Франции, — десять лет скиталась на чужбине. Была в России, в Москве, где ей было оказано радужное гостеприимство (см. повесть Пушкина «Рославлев» и его журнальные заметки о ней).

Стр. 23. Братья Котро, смелые контрабандисты, которые дали название этой войне, — четыре брата Котро, сыновья угольщика, контрабандисты; из них опасным подстрекателем и вожаком контрреволюционных банд в Бретани был старший брат — Жан, убитый в схватке с «синими» в 1794 г. На дальнейших страницах романа Бальзак указывает, как прозвище Жана Котро — «Шуан», то есть «Сова» (chat-huant по-французски — означает сова, полученное им по его ночной «работе» и условному сигналу для созыва банды, распространилось на всех участников контрреволюционного восстания в Бретани.

Стр. 24. Революция, смягчившаяся после 9 термидора. — Бальзак здесь придерживается ошибочного, расходившегося с действительностью мнения о характере террора после 9 термидора, когда были свергнуты якобинцы (27 июля 1794 г.). До 9 термидора террор служил оружием обороны республики от бесчисленных врагов Франции, стремившихся разорвать ее на части и подселить между Австрией, Англией, Пруссией. Обороняясь, революционные массы вынужденным были применить террор. Отдельные деятели Конвента (напр., Фуше), пренебрегая интересами революции, совершали ненужные жестокие акты насилия и дали повод оклеветать революцию. Но противники революционного террора замалчивают, что террор не смягчился, а, наоборот, усилился после 9 термидора. Только жертвами его стали тогда не враги демократической республики, а революционеры, якобинцы и вообще защитники народных интересов. Количество жертв террора после 9 термидора во много раз превосходит погибших во время якобинской диктатуры.

Стр. 25. Бернадот Жан-Батист (1764—1844) — один из генералов Наполеона, выдвинувшийся в годы революции. В 1799 г. при директории несколько месяцев был военным министром. Блестящий, талантливый, он был честолюбив не менее Наполеона и не хотел быть простым исполнителем его планов. Тайные связи Бернадота с государством, восставшими против Наполеона, обратили на него внимание английской аристократии. Бездетный король Швеции Карл XIII в 1810 г. узурпировал Бернадота, и впоследствии он сделался королем Швеции под именем Карла XIV.

Стр. 26. Фуше Жозеф (1759—1830) — до революции — монах; в 1789 г. примкнул к революции. В 1792 г. был избран членом Конвента; впоследствии «барон», в 1793 г. был близок к делу якобинцам. Выдвинулся на себя после Робеспьера членом Конвента. Больше привлекался к делу Наполеона в качестве комиссара Конвента. Больше привлекался к делу

Революционного трибунала, применив и заговорщиком, подготовившим 9 термидора При Директории и при Наполеоне — начальником всей полиции Франции. Обладав исключительными способностями индейки, Фуше пресекал все заговоры против Директории и против Наполеона. Фуше принципиальный ренегат Фуше с особой яростью преследовал якобинцев. Наполеон осыпал Фуше золотом, наградив его титулом герцога. После падения Наполеона в 1815 г. Фуше был изгнан из Франции. Умер в страшной нужде.

Стр. 23. Людовик XVIII — граф Прованский, брат французского короля Людовика XVI, гильотинированного 21 января 1793 г. После смерти малолетнего сына Людовика XVI (Людовика XVII) был объявлен роялистами королем под именем Людовика XVIII; но на престол попал только в 1814 году силою оружия стран коалиции после победы над Наполеоном и оккупации Франции.

Стр. 24. Баррас Поль-Франсуа (1755—1829) — аристократ, примкнул к революции из корыстных интересов. 9 термидора был главным участником заговора против Робеспьера, лидер термидорианцев. Был главой Директории; человек беспринципный, алчный, лживый, печальными путями нажил во время Директории очень большое состояние; содействовал усилению Наполеона, но после 18 брюмера Наполеон отстранил его от управления государственными делами.

Стр. 25. Питт Вильям Младший (1759—1806) — лорд-маршал и премьер-министр в Англии с 1793 г. Крупнейший государственный деятель, непримиримый враг революционной Франции, а затем Наполеона. Главный организатор войн против революционной Франции.

Стр. 26. Принцы — граф д'Артуа, граф Прованский, принц Конде, — представители династии Бурбонов, свергнутой революцией. активные организаторы сил контрреволюции.

Стр. 30. Тысячи мертвецов Жемаппа. — Жемапп — деревня в Бельгии, близ которой революционная армия Франции 5 ноября 1792 г. под командованием генерала Дюмурье разбила австрийскую армию и заставила её уйти из Бельгии.

Стр. 31. Вся Европа против нас. — В 1798 г. против Директории выступила вторая коалиция, во главе которой стояли Англия, Австрия, Россия, объединившие вокруг себя для борьбы против французской республики второстепенные европейские государства. Коалиция нанесла Франции несколько серьезных поражений. Об опасности, нависшей над Францией, и говорит Юло в беседе с товарищами.

Стр. 32. Карно Лазарь (1753—1823) — до революции военный инженер; член Комитета общественного спасения во время якобинской диктатуры, один из организаторов побед революционной Франции над ее врагами. Противник Робеспьера; 9 термидора был в числе заговорщиков. Во время Директории — один из директоров, ведал военными делами. В 1797 г. скомпрометировал себя близостью к роялистам; опасаясь ареста, бежал в Швейцарию. В период консульства состоял военным министром; был вынужден выйти в отставку на протест против захвата Наполеоном единоличной власти.

Стр. 32. Талейран (1754—1838) — бывший аристократ; до революции — епископ Овернский; один из самых крупных дипломатов конца XVIII и начала XIX в., создавший себе, однако, печальную славу абсолютной неразборчивостью в способах достижения своих целей и приобретением огромного богатства, которое он нажил на службе у Директории и у Наполеона. Лжив, алчный, полукорыстный, предательский, был обличен в это приемыши. В 1799 г. был обличен в преступлении денежных операций, и Директория отстранила его от управления и неизвестности иностранных дел. (Об этом узнал и говорит Юло.) После

переворота 18 брюмера снова ставшился министром иностранных дел, но довела ему и в 1809 г. дал ему отставку.

Стр. 32. Только бы армия не выбирала выживший из лексикона Писетрю. — Писетрю Шарль (1761—1804) считался лидером роялистов в Париже. В 1797 г. подготовил монархический договор. Был арестован Директорией; бежал из тюрьмы в Англию и воспротивился Наполеону. Для деятельного участия в организации заговора был раскрыт Фуше. После заключения в тюрьму Тампль во время судебного процесса Писетрю был найден удушенным в постели.

Стр. 38. Здесь умер святой Лескюр — маркиз де Лескюр, организатор мятежа в Вапдее, был убит в 1793 г. в сражении с республиканцами; желая окружить его имя ореолом в глазах крестьян, духовенство и дворяне называли его святым.

Стр. 40. Послан тираном и его сообщниками, Питтом и Кобургом. (Питт — см. примеч. на 300 стр.) Кобург — герцог Фридрих Саксен-Кобургский (1737—1815) (по-французски сокращенно — Кобург) — главнокомандующий австрийской армией в войне против Франции.

Стр. 47. Когда Тюрго выкупил привилегию — барон Роберт-Жак Тюрго (1721—1781) — крупный ученый-экономист, один из самых образованных людей Франции конца XVIII в. В начале царствования Людовика XVI два года был генеральным контролером Франции (министром финансов и внутренних дел). Враг привилегий дворянства, регламентов и монополий в промышленности и торговле. Старался проводить очень широкие реформы, вызвавшие против него ожесточенную ненависть аристократов и высшего духовенства; был поэтому уволен Людовиком XVI.

Стр. 50. Станешь советником королевского парламента. — Французские парламенты — высшие судебные учреждения в Париже и в крупных городах провинций, возникшие в средние века; должности парламентских судей, весьма доходные, передавались по наследству. Судьи образовали влиятельную прослойку аристократии: «дворянство мантии». Парламенты, в особенности парижский, защищая свои привилегии, долго боролись против централизаторских и абсолютистских стремлений королевской власти. Революция уничтожила парламенты в 1790 г., создав новые судебные учреждения на основе выбора судей «активными гражданами».

Стр. 52. Нового рода десятину. — Десятина — сбор десятой части урожая в пользу церкви. «Десятина» всегда взималась натурой; иногда она бывала больше десятой доли, иногда меньше. В 1790 г. революция уничтожила «десятину».

Стр. 57. О событиях 18 брюмера — 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) произошел государственный переворот Наполеона Бонапарта, свергнувший Директорию. В 1800 г. Наполеон объявил себя первым консулом Французской республики; в 1804 г. стал императором под именем Наполеона I.

Стр. 58. Брюн, назначенный командующим войсками Западной Франции. — Брюн Гейом (1763—1812) до революции — типографский рабочий; во время революции — журналист, участвовал на фронтах против врагов Франции, получил звание генерала. Наполеон сделал его маршалом и в 1799 г. отправил с войском в западные департаменты для борьбы против шуанов; в 1800 г. Брюн командовал на митте.

Стр. 61. Остатки знаменитых батальонов, выведенных из Майнца. Республиканская французская армия под командованием генерала Кюстина в конце 1792 г. взяла Майнц, город на Рейне, который в июле 1793 г., несмотря на мужественную защиту этой крепости, был осажден и нуждена была ее оставить. Одним из условий сдачи крепости, был обязательный выход из нее остатков гарнизона. По условиям констатации майнская армия не имела права в течение года укрываться в лесах на границах Франции; «майнцы» перебросили на запад против майнц-дейцов и шуанов. «Майнцы» были солдаты, закаленные в боях против врагов Франции, беззаветно преданные революции.

Стр. 77. Завсегдатая маленького Прованса — Маленький Прованс — одна из террас сада при дворце Тюильри, знаменитое место прогулок парижской «золотой молодежи».

Стр. 115. Этот эмиссар Кобленца. — Кобленц, город в владениях майнцского курфюрста, место сбора роялистов-эмигрантов. В 1789—1792 гг. центр формирования контрреволюционной армии против Франции. Кобленц стал нарицательным именем всякого центра контрреволюции.

Стр. 122. Человек из болота. — «Болото» — самая многочисленная партия в Конвенте (из 650 депутатов к ней примыкало 430); получила свое название по месту расположения ее представителей на длинных скамьях в середине зала заседания Конвента. Вначале ее называли «равниной», но вскоре преобладающим стал презрительный термин «болото». — «Болото» — это была партия буржуазии, лавировавшая между жирондистами и якобинцами, а в 1793—94 г. между различными фракциями якобинцев, всегда примыкавшей к тем, кто в данный момент был сильнее. 9 термидора «болото» решило в Конвенте судьбу Робеспьера. После 9 термидора эта партия оказалась у власти и образовала главу силу термидорианцев.

Стр. 142. Приказ, подписанный Лапласом и скрепленный Дюбуа. — Маркиз Симон де Лаплас (1749—1827), знаменитый математик и астроном, в период консульства Наполеона своим ведомо был министром внутренних дел.

Дюбуа де Гревсе (1747—1814) был членом Комитета общественного спасения, проявил большую энергию в организации революционной армии; при Директории на короткое время сменил Бернадота на посту военного министра, но после 18 брюмера подал в отставку, не желая служить захватившему власть Наполеону.

Стр. 142. Прокуроры-синдикы. — С начала революции в каждой округе находилась правительственный прокурор-синдик; в его обязанности входило наблюдение за правильным применением законов, пресечение нарушений законов и злоупотреблений со стороны местных властей.

Стр. 151. Генерал Эдувиаль, друг нашего друга Баррасса. — Граф Эдувиаль (1755—1825) — генерал, посланный Директорией для командования войсками против шуанов. Наполеон назначил его Брюном, так как не доверял Эдувиалю, считая его противником переворота 18 брюмера.

Стр. 151. Сражение у Катр-Шмен. — Близ вандейской деревни Катр-Шмен в декабре 1793 г. произошло кровопролитное сражение между республиканцами и войском Шарета.

Стр. 154. Высота его стен пятидесятъ тоаз — Тоаз — старинная французская мера длины, около одной сажени.

Стр. 191. Как выразился Сюлли, говоря о герцоге — Герцог Сюлли (1560—1641) — ближайший соратник де Виллур-Гардот.

ник французского короля Генриха IV, первая его жена по упрямству государства; своими мероприятиями содействовала восстановлению сельского хозяйства Франции.

Герцогиня де Бофор — Габриэлла д'Эстре, возлюбленная Генриха IV.

Стр. 193. Как бог Терминус. — У древних римлян и галлов Терминус — сельский бог, охранявший поля и его границы; изображения Терминуса становилось на меже поля.

Стр. 193. Лозен, Адемар, Куаньи — представители придворной знати XVIII века.

Стр. 215. Кем-то вроде Марсо. — Франсуа Марсо (1769—1796) — генерал революционной армии. В 1793 г. был назначен главнокомандующим западной армией, действовавшей против Вандей, разбил их войска при Мансе. Затем был переброшен на восточную границу в качестве командующего армией Самбры и Мааса. Крупные военные дарования, личная храбрость, честность и гуманность создали ему огромную популярность не только среди своих офицеров и солдат, но и у врагов; в 1796 г., прикрывая отступление армии Журдена после битвы при Альтенкирхене, Марсо был смертельно ранен.

Стр. 217. Жеронт из Комедии. — Во французской комедии Жеронт — тип легковерного простоватого старика, которого легко обмануть.

Стр. 235. Клуб Клиши — клуб роялистов в Париже.

Стр. 240. Солдаты римского папы — «войско» папы, состоявшее из караульного отряда в его дворце.

Стр. 250. Арморика — древнее кельтское название побережья Ламанша и Атлантического океана от устья Сены до устья Луары.

Стр. 252. На дороге к Сен-Мало. — Сен-Мало — порт на берегу Ламанша.

Стр. 268. Плутводство, достойное Скапена. — Витальянской, а затем во французской комедии Скапен — тип слуги, ловкого плута. Герой пьесы Мольера «Проделки Скапена».

Стр. 282. Причудливая кисть Сальватора Розы. — Сальватор Роза (1615—1673) — известный итальянский художник, его картины обычно пропитаны мрачным настроением.

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Анисимов — Предисловие	3
1. Засада	11
2. Идея Фуше	74
3. День без грядущего утра	139
Ф. А. Лейфец — Шуаны (исторический очерк)	205
Примечания	250

1944 г.
Акт № 1173/
Вкладн. л. 34

35

ЛМ 6928

Редактор В. Зворыкин

Полиг. к-т № 10/17/44, А7007, Тираж 25000 экз.
19 экз. авт., 18,34 экз. чит., 1 экз. ЦИО У РСФСР.

1-я Облгосиздатская фабрика "Пятигорская" Союза
при СНК РСФСР, Москва, Восток. 25. Дек. 44 № 35.

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Анисимов — Предисловие	3
1. Засада	11
2. Идея Фуше	150
3. День без грядущего утра	199
Ф. А. Лейфеве — Шуаны (исторический очерк)	287
Примечания	298

1944 г.
Акт № 1173/
Вкладн. л. 34

35

ЛМ 6928

Редактор В. Золотский

Подп. в печ. 19/VI/44. А7907. Тираж 25000 экз.
19 стр. листов 18,34 экз. листов. Цена 9 руб.

1-я Образцовая типография «Политграфгиз» Союза
при СНК РСФСР, Москва, Вольная. Д. Зол. № 35.